

С.Н. ВУЛГАКОВ ОБ А.И. ГЕРЦЕНЕ И Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

С.Н. Булгаков — выдающийся деятель эпохи культурного ренессанса начала XX в. Он рассматривал вопрос об искусстве как часть глобальной проблемы «Бог и мир», поэтому целью его литературно-критического анализа было не столько индивидуально-художественное исследование, сколько осознание религиозного смысла творчества и искусства в целом. Однако, признавая глубину литературно-критических суждений Булгакова, необходимо учитывать обусловившие их объективные и субъективные обстоятельства.

В период «революционного раскачивания» страны в начале 1900-х гг. Булгаков считал особенно актуальным вопрос о целях и средствах исторического развития. К этому времени Булгаков сделал решительный шаг «от марксизма к идеализму». Но, отказавшись от революционных идей в учении К.Маркса, он еще не расстался с мечтой об «обществе социальной справедливости».

Духовными вехами на «положительном пути» России к «христианскому социализму» Булгаков считал творчество Ф.М. Достоевского и философский идеализм с его логической аргументацией Вл. Соловьева. Но он отметил и другой путь, «отрицательный», «кружной». Его прошли, по убеждению критика, Герцен, «разбудивший Россию», и Чернышевский, звавший Русь к «топору». Этой теме были посвящены лекция-статья «Душевная драма Герцена» (1902) и «Литературные заметки. Н.Г.Чернышевский» (1904).

«Душевная жизнь» Герцена представлялась Булгакову «драматической борьбой, действующим вулканом и постоянными катаклизмами» [1, с. 163]. Его драма, считал автор лекции, состояла в том, что, подобно Ивану Карамазову, он пытался «эвклидовым умом» разрешить вопрос, «достигим ли рай на земле».

Свой политический идеал Герцен искал в политическом устройстве европейских стран, более свободных по сравнению с крепостнической Россией, в принципах социалистического учения и, наконец, после постигшего его разочарования

в «мещанском Западе» — в русской крестьянской общине. Мечты Герцена о воплощении в жизнь своих общественных устремлений Булгаков назвал «утопизмом».

Марксистско-ленинская философская наука также называла Герцена утопистом. В известной статье «Памяти Герцена» В.И. Ленин писал: «В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснейшая фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно не высвободившийся из-под ее влияния пролетариат» [4, т. 21, с. 256]. В отличие от ленинской идеологической трактовки, Булгаков вкладывает в понятие «утопизм» философско-этический смысл. «Для утопизма характерно не особенное содержание представлений об идеале, а самая чрезмерная идеализация, потребность мыслить известное состояние как абсолютное совершенство» [1, с. 167]. Поэтому Булгаков называет утопией не только «современные представления о социализме», «русский социал-демократизм», но также и «научную теорию социализма К. Маркса» [1, с. 178].

Истоки «теоретических блужданий» Герцена Булгаков усматривал в «философских взглядах, которые складывались в определенную историческую эпоху, были обусловлены обстоятельствами жизни и даже социальным происхождением» [1, с. 163]. Интересно отметить, что исторически и социально обуславливал душевную драму Герцена и Ленин, связав ее с «угасающей» революционностью буржуазии» и «несозревшей» революционностью пролетариата. Подход Булгакова и Ленина к вопросу об идейных исканиях Герцена был один, но выводы они делали разные, что определялось ориентацией на кардинально противоположные идеалы.

Воздав должное, как и другие мыслящие люди его поколения, Г.-Ф.-В. Гегелю, Герцен вскоре нашел себе другого кумира — Л. Фейербаха, а затем его симпатии склонились к «вульгарному, естественнонаучному материализму Фохта». Итогом философских исканий Герцена стало отрицание возможности «трансцендентного, а единственной реальностью был лишь чувственно-осязаемый мир» [1, с. 164]. Атеизм и позитивизм — вот слагаемые философии Герцена, которые привели его к душевной драме. Суть ее в том, что атеист Герцен не мог смириться с тем, что «никакая эмпирическая действительность не способна вместить идеал» [1, с. 167]. Отчаяние Герцена —

это отчаяние последовательного позитивизма. Его вскрыл, считает автор лекции, Достоевский в образе Ивана Карамазова. Поэтому русским Фаустом Булгакову представлялся не только герой «Братьев Карамазовых», но и сам Герцен, который, по мнению критика, отразил этические искания русской интеллигенции. Разрешение его душевной драмы должно было указать «этическим натурам» выход из философского тупика.

Основанием для идейного сближения Ивана Карамазова и Герцена Булгакову послужил диалог автора и его собеседника в главе «Перед грозой» в книге «С того берега». Он цитирует слова Герцена: «Если прогресс — цель, то для кого мы работаем? Кто тот Молох, который по мере приближения к нему тружеников, вместо награды пятится и, в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам, которые ему кричат: «Morituri te salutant», только и умеет ответить горькой насмешкой, что после их смерти будет прекрасно на Земле, неужели и вы обрекаете современных людей на жалкую участь кариатид, поддерживающих террасу, на которой когда-нибудь другие будут танцевать... Цель бесконечно далекая — не цель, а, если хотите, уловка; цель должна быть ближе, по крайней мере, «заработная плата или наслаждение в труде» [3, т. 3, с. 261-262]. Здесь Булгаков обрывает рассуждения Герцена и делает заключение, что в них «обнаруживается непримиримость позитивизма с идеей бесконечного прогресса» [1, с. 176]. Он ставит героя своей статьи перед дилеммой: «цель — средство прогресса», и разрешает ее так же, как Достоевский решал карамазовский вопрос о цене гармонии — «путем религиозного и метафизического синтеза».

Обращает на себя внимание тот факт, что Булгаков цитировал только ту часть диалога, которая подтверждала его отрицательное отношение к материалистическим теориям прогресса. Но достаточно дочитать герценовский текст до конца, чтобы убедиться, что автор книги «С того берега» понимал прогресс иначе, нежели Булгаков. «Прогресс — неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось; это деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью», — рассуждает Герцен. После слов, на которых остановил цитату Булгаков, есть важное продолжение: «Каждая эпоха, каждое поколение, каждая жизнь имели, имеют свою полноту, по дороге развиваются

новые требования, испытания, новые средства, одни способности усовершенствуются на счет других... Цель каждого поколения — оно само» [3, т. 3, с. 367]

Однако убийства во имя прогресса Герцен оправдать не мог. Террор как средство, «чтобы идти вперед», так и средство, «чтобы идти назад», т.е. террор революционный и контрреволюционный он отрицал. Это отрицание прозвучало не только в книге «С того берега», но и со страниц «Западных арабесок, вошедших в «Былое и думы». Более того, близко наблюдая европейские события 1848 г., анализируя взлеты и падения французской революции, совершившейся под лозунгом: «Свобода, Равенство и Братство», а затем, словно Кронос, пожравшей своих детей, Герцен с горечью констатировал, что «ни одна революция не решила проблемы прав человека, законности как нормы судопроизводства, свободы слова» [3, т. 3, с. 185].

Именно это нелегко даршееся Герцену осуждение революционного насилия и самой революции как средства и цели общественно-исторического прогресса примиряет с ним «христианского социалиста» Булгакова. В итоге, делая выводы о том, что его путь, «хотя и кружной, более отрицательный, чем положительный, ведет к... Достоевскому и Соловьеву», Булгаков приписывает Герцену собственные «поиски истины». Путь Герцена, по его убеждению, доказывал закономерность поворота от материализма к идеализму, тот путь, по которому, как и многие его современники, прошел сам Булгаков. Выводы о мировоззренческой эволюции писателя основаны на стремлении Булгакова «подтянуть» материалиста Герцена до собственной нравственной философии. Поэтому, даже ориентация на абсолютный идеал не гарантировала Булгакова от субъективных выводов.

Несомненный интерес сегодня представляют суждения Булгакова о Чернышевском, которого в советском литературоведении было принято считать «несгибаемым вождем» революционного движения в России 1860-х гг.

Булгаков назвал в «Литературных заметках...» 1860-е гг. эпохой Возрождения, «первой эпохой великих реформ». Они несли перемены не только в экономику и политику России. Они меняли человеческое сознание. Личность получила возможность проявить себя. Отсюда и особый интерес к ней русской

литературы. «Русское просветительство», — так называет Булгаков освободительное движение той знаменательной поры. Его отличительные черты — «гуманитаризм, свободолюбие, боевой пафос, философский рационализм, позитивизм, догматизм» [2, с. 318]. Именно в 1860-е гг., подчеркивал Булгаков, «окончательно определился дух русской литературы», которая искренне пеклась о народных интересах. Представителем поколения титанов называет автор статьи Чернышевского. Экономист и социолог, публицист, литературный критик, дидактический беллетрист, он отстаивал интересы народа и человека «вообще» [2, с. 319]. Гуманизм не в классовом, а в общечеловеческом смысле, народничество не в политическом, а в этическом значении этого слова — вот что, по убеждению Булгакова, было сильной стороной просветительства Чернышевского. К другой его стороне — философской, следует, считал критик, подходить исторически. Сын своего времени, Чернышевский был материалистом, свято верившим в человека, его разум, силу науки. Историческую ценность философии Чернышевского Булгаков усматривал в ее нацеленности на экономическое раскрепощение и утверждение священных прав личности. «Будучи философски не прав, — отмечал критик, — Чернышевский одержал победу, потому, что на его стороне был дух времени, и, насколько он был исторически прав, идя в первых рядах своего времени, хотя и не впереди его» [2, с. 320].

Булгаков по-своему понимает роль Чернышевского в революционно-демократическом движении 1860-х гг. «Революционный дух» он усматривал не в том, что Чернышевский проповедовал «идею крестьянской революции; идею борьбы масс за свержение всех старых властей» [4, т. 20, с. 175], а в его способности воспринимать запросы времени. С этой точки зрения, критик высказал убеждение, что в более позднюю историческую эпоху, например, в современную ему, Булгакову, Чернышевский «не остался бы на своих старых точках зрения». Более того, Чернышевского следует считать не только «представителем демократизма и гуманитаризма». «Мы убеждены, — подчеркивал Булгаков, — что эта живая мыслящая душа способна была бы в дальнейшем развитии оставить далеко позади ступень, первоначально указанную ей историей» [2, с. 320].

К чему же должен был, по мнению Булгакова, придти Чернышевский, если бы он дожился до 1904г.? К осознанию, что «верховные и священные права личности и весь гуманизм коренятся в учениях религиозного идеализма, в постулатах потустороннего мира» [2, с. 320].

Чернышевский, еще в 1855 г. в «Эстетических отношениях искусства к действительности» заявивший о себе как о стороннике материалистического направления в философии, оставался материалистом до конца жизни. Об этом свидетельствуют его работы последующих десятилетий: «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858 г.), «Антропологический принцип в философии» (1860 г.), «Характер человеческого знания» (1885 г.). Важнейшими событиями исторического процесса Чернышевский считал скачки в общественном развитии, иначе говоря, революции. Именно революции, по его мнению, служат лучшей школой просвещения народных масс.

Наибольший интерес в статье Булгакова о Чернышевском представляет стремление исторически обусловить его мировоззрение. Вместе с тем нельзя не признать, что Булгаков не имел объективных оснований считать, что Чернышевский, тем же, как и он сам, непременно должен был в начале XX в. придти к философскому идеализму. Налицо субъективный подход к оцениваемому явлению, известный со времен Н.А. Добролюбова и сохранившийся в марксистской критике, который позволял усматривать в произведении и мировоззрении писателя желаемую идею.

Литературно-философское наследие Чернышевского, как и Герцена, явилось для Булгакова поводом к рассуждениям не только об исторической обусловленности различных форм освободительного движения. В их идейных и политических исканиях он находил оправдание мировоззренческому повороту в начале XX в. от марксизма к идеализму многих своих друзей и современников. Для самого Булгакова статья о Чернышевском знаменовала начало перехода к либерализму, который в его политических устремлениях окончательно оформится к 1906 г. В русском Просветительстве 1860-х гг. он усматривал истоки движения за экономические права, отстаиваемые либеральной партией конституционных демократов, к которой примкнет и Булгаков.

Литература:

1. Булгаков С.Н. Душевная драма Герцена // От марксизма к идеализму. - СПб., 1903. - С. 161-183.
2. Булгаков С.Н. Литературные заметки. Н.Г.Чернышевский // Новый путь. - 1904. - № 10. - С. 318-320.
3. Герцен А.И. Собр. соч.: В 9 т. - М., 1955 - 1958.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. - М., 1978 - 1982.